

ГАЛИНА МИРОНОВА

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Той, хто не знає свого минулого, не вартий майбутнього (М. Рильський)

Материал данной статьи представляет собой попытку ответа на вопросы студентов-украинистов «Когда образовалась украинская нация и как происходило становление украинской государственности». Не так просто, как на первый взгляд кажется, эти вопросы. Сложны они, как сложен и тернист путь, пройденный украинским народом в этом направлении. Автором использованы доступные ему опубликованные материалы и он не претендует на роль «последней инстанции» в этом вопросе, осознавая, что рамки подобного исследования следовало бы значительно расширить (так, в частности, регламентированный объем статьи не позволил достаточно полно использовать материалы недавно появившегося двухтомного справочника «Національні процеси в Україні: історія і сучасність» /Київ, 1997/ — своеобразной документальной биографии украинской нации, ее борьбы за свою «самість», за выживание и образование независимого украинского государства, представленной в широком контексте национальных процессов, отражающих как различные нациотворческие закономерности, так и негативные, тормозящие, разрушающие тенденции, приводящие к упадку нации, стагнации национального развития). Кроме того, для качественной характеристики процесса образования государства крайне необходим глубокий историко-политологический анализ, позволяющий дать более полные ответы на вопросы о сущности, специфике, детерминированности, наследственности традиций разных форм государственности, которые развивались на украинских землях.

Широко распространенным является мнение, что факт образования этносом государства свидетельствует о преобразовании этноса в нацию или, иными словами, этнос становится нацией при условии «визначеності національної самосвідомості та створення держави» (Пономарьов, 109). Существуют различные точки зрения о природе нации.

Основными признаками нации, которая определяется как многоэтническое образование, согласно конструктивистской концепции, есть территория и гражданство.

Для другой позиции характерно осмысление нации как самодостаточной социокультурной системы и вместе с тем как определенного периода исторического развития этноса. Данный подход реализуется в двух разновидностях: в первом случае нация представляется как этническая категория, во втором — как социальная. Истоки первой разновидности связывают с либеральными народниками, считающими, что главной доминантой нации выступает этнокультурная основа, идущая непосредственно от родовых образований (отождествленных практически с этническими, приобретающими на стадии преобразования этноса в нацию социальную окраску). Модель второй, долго работающей в официальной советской этнографии (и не только), была ориентирована на выделение таких историко-стадиальных типов как племя, народность, буржуазная нация и нация социалистическая (основанием построения упомянутой схемы явились высказывания В. Ленина, полемизировавшего с Н. Михайловским и отстаивавшего приоритет социального). Практически до 60-х гг. признаки нации, как исторически сложившейся устойчивой общности людей, определялись «по И. Сталину», — общностью языка, территории, экономики и психического склада, проявляющегося в общности культуры. После длительных теоретических дискуссий (на страницах журналов «Вопросы истории» и «Советская этнография») к структурным показателям нации добавились новые: национальное самосознание, наличие государства, формирование единого рынка и т.д. Приоритетными становились социально-экономические связи, а нация трактовалась как «своеобразный социальный организм, вмонтированный в определенную социально-экономическую формацию». Именно такое понимание этапов формирования и развития этноса (и нации в т.ч.) было основополагающим для марксистской этнографической школы и, как считают современные исследователи, одним из ее главных недостатков.

В настоящее время происходит очередная ревизия сложившейся системы признаков нации с точки зрения их структурообразующих потенциалов. Отмечается, что такие реалии, как единый рынок, территория, государство могут не всегда благоприятствовать процессу нациогенезиса, а в определенных ситуациях и сдерживать его. В этой связи подвергается пересмотру и процесс образования древнерусского государства: новая трактовка предполагает, что Киевская Русь как государственное образование стало возможным только потому, что перед этим была сформирована восточнославянская этнонация, в состав которой входили не племена или племенные объединения, а ранние этнические общности (поляне, древляне, уличи, дреговичи и т.д.).

Если же обратиться к выяснению наполнения соотношения государство — территория — нация в истории Украины, то обнаружим несоответствие между притязаниями государства-работителя и устремлениями порабо-

щенного и «разорванного на части» народа/нации, имеющее место в течение многих веков.

Украинская этническая территория имеет очень сложную историю. Плодородность украинской земли, благоприятный климат и выгодное географическое расположение детерминировали оседлый образ жизни и не могли не оказать влияние на формирование определенного типа общественно-политической организации данного этноса, более «мягкого» по сравнению с другими народами, прежде всего, с кочевыми; были не только источниками добра, но и «стимулировали» завоевателей. В зависимости от результатов битв и завоевательской экспансии соседей, состязавшихся между собой за право на «лакомый кусочек», этническая территория то увеличивалась, то уменьшалась.

Следует отметить, что до последнего времени роль геополитического фактора в развитии украинской государственности практически не рассматривалась, т. к. само понятие геополитики неизменно трактовалось как «буржуазная антинаучная политическая доктрина» (см. подробнее: Українознавство, 347-348).

Итак, поскольку вышеуказанный набор структурообразующих свойств нации представляется эклектичным, то предлагается другой подход — определение характеристик, которые бы раскрыли внутреннюю сущность анализируемого. К ним относят: национальные интересы, национальную идею, национальное сознание/характер, национальную культуру, национальные символы и т.д. (Пономарьев, 79, 110-111). Характерно, что названные компоненты начинают действовать системно только на фоне общенационального подъема. На Украине такой подъем проявился в форме национально-освободительной войны за независимость (национальные интересы), государственность (национальная идея), развитие национальной культуры.

«Мы говорим о национальной идее, когда какой-нибудь народ замечает свое единство, свою внутреннюю связь, свой исторический характер, свои традиции, свое становление и развитие, свою судьбу и назначение, делает их предметом своей воли» (Бубер, 729). Следовательно, момент самоопределения, самопознания нации составляет понятие «национальная идея» (ср.: Забужко, 8); становление ее в каждой стране происходит в специфических условиях, соответственно и содержание ее будет не одинаковой. Так, напр., по мнению В. Антоновича, «у великоруської нації... провідну ідею становить принцип авторитету державної влади, яку народ настільки шанував, що завжди зрікався на користь її всіх особистих вольностей, ... вона вимагає однієї голови ... Тому то без помилки можна сказати, що у великоруського народу провідною ідеєю завжди був абсолютизм ... Українському народові ... прийшовся до типу ... принцип вічевий, принцип широкого демократизму і признання рівного політичного права задля кожної одиниці суспільства» (Антонович, 11-12; см. еще Квітковський).

Попытаемся более подробно рассмотреть основные вехи в истории нацио- и культурогенезиса украинцев.

Первый, достаточно четко обозримый этап нациогенезиса, формирования национальной культуры (языка, образования) связан с эпохой Киевской Руси. Государственная, социальная, культурная и конфессиональная политика великих князей Владимира Святого, Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого, просветительская деятельность митрополита Иллариона, подвижничество светской и духовной интеллигенции были направлены на создание государства-общества высочайшего политического, социально-экономического, культурно-эстетического, языкового уровня развития, известного и почитаемого народами Востока и Запада, на воспитание поколений, знающих свою историю и культуру Греции, Рима, Византии, народов Скандинавии, Востока и Запада, верных «своей земле», деяниям и заветам своих отцов, традициям и языку (Українознавство, 15 и далее).

Так, в частности, Владимир Мономах в «Поучении детям» замечает: «чого вмієте, того доброго не забувайте, а чого не вмієте — тому ся учіте, як же й отець мій..., вмів 5 язиків, в тому й честь йому від інших земель» (Карпіловська, 41). А в «Літопису Руському» (под годом 1037) находим: «Заложив Ярослав (Мудрий) город — великий Київ, ... також церкву Святої Софії, премудрості божої ... І до книг він мав нахил, читаючи їх часто вдень і вночі ... Велика бо користь буває людині од учення книжного. Книги ж учать і наставляють нас на путь покаяння, і мудрість бо, і стриманість здобуваемо ми із словес книжних, бо се є ріки, що напоюють всесвіт увесь. Се є джерела мудрості, бо є у книгах незмірна глибина» (Літопис Руський, 89).

Искренний пафос патриота, осознание значимости родной земли («Руська земля — не худа и неведома, но ведома и слышима всеми концы земли»), осмысление и развитие принципа свободы как универсального принципа сущности бытия, достойного высокого предназначения человека, обнаруживаем в «Слове о Законе, Благодати, Истине» митрополита Иллариона: «Высшая цель каждого — счастье (Благодать), наивысшая форма счастья — Свобода, а путь к ним — поиск Истины». Эти мысли, выражающие и утверждающие гуманизм, формирующие чувство собственного достоинства и стремление к самосовершенствованию, через несколько столетий получили органическое продолжение, несмотря на весь трагизм истории украинского народа. Так, в частности, формирование и становление мировоззренческой концепции Григория Сковороды, как великого философа и яркого представителя украинской духовности, свидетельствует о том, что «Слово» Иллариона послужило толчком/основой для дальнейшей конкретизации, углубления и развития идей мыслителей Киевской Руси. Поиск Истины, считает Сковорода, следует начинать с самого себя, со своего самосовершенствования (тот может победить смерть «в кого совість, як чистий кришталъ»); счастье не следует искать за морями и в чужих землях /«сині далі»/, а в собственном «я»), ибо, только познав себя, можно открыть свой талант, сущность мира, свое предназначение в нем и найти путь полной самореализации (вспомним в связи с этим одну из основополагающих идей философа-поэта о «сродной праце»).

Итак, началом нациогенезиса украинцев исследователи считают период формирования Киевской державы, хотя он и не получил в то время завершения. Причины также известны: 1) недолговечность Киевского государства, которое объединяло разные, хотя и родственные, этносы; 2) (и это отмечается как главное) самосознание этносов, образовавших державу, не приобрело еще достаточно четкой ориентации на «українство» (Пономарьев, 109). Отсюда, специфика нациогенезиса украинцев — прерывность, обусловленная длительным (в течение нескольких столетий) периодом колонизации Украины; отсутствием до 1918 г. ее государственности, соборности территории; разрывом украинских земель между разными государствами или державами-империями (Литва, Польша, Австро-Венгрия, Россия, Румыния; этнической сепарации подверглась Прикарпатская Русь, присоединенная к Венгрии), которые проводили политику сдерживания национально-культурной жизни Украины и т.д.

Зародышам нациогенезиса украинцев не пришлось развиваться в период Киевской Руси, а возобновление этого процесса (условно — второй этап, хотя на роль второго мог бы претендовать, с точки зрения державоустройства, и период существования Галицко-Волынского государства) приходится на XV — XVII ст., но по официальной версии, которая была главенствующей до последнего времени, этот процесс начался только в конце XIX — нач. XX ст., а завершился в советское время, когда была образована держава — СССР (ср.: Бромлей, Ю.; Гумилев, Л.; Этногенез славян; Українська народність и др.).

Почему же именно XV — XVII ст. представляли собой очередную веху на пути национального образования? Как отмечают современные исследователи, катализаторами этого процесса явились: угроза физического уничтожения со стороны Степи (воинственные набеги турок и татар), польский национальный гнет, внутреннее предательство (образование церковной унии) и др. В результате Люблинской унии Украина оказалась под властью Польши. Ее господство стимулировало культурную ассимиляцию украинской элиты (укр. *шляхта*), под сомнение было поставлено само существование украинцев как этнической общности. Названному процессу благоприятствовал раскол православной церкви в 1610 г. Позже М. Смотрицкий писал: «Де тепер безцінні діаманти православної корони, уславлені роди таких руських князів, як Слуцькі, Заславські, Збаразькі, Вишневецькі, Чорториські ... т. ін., яким немає ліку? Де тепер ті, що оточували їх ... благородні, славетні, відважні, сильні і давні доми руського народу, що на весь світ славилися престижем, могутністю і відвагою» (Субтельний, 91; см. еще: Кримський, А.; Дашкевич, Я.; Культура і побут населення України; Півторак Г.; Історія української мови; Пономарьев, 109).

На волне национально-освободительного движения росло национальное самосознание, реализовывавшееся на разных направлениях. Ожесточенная борьба велась на главных из них, а именно: за национальные права и культурные традиции (в т.ч. и за официальное признание украинского

языка) , за чистоту религиозных канонів, за образование национальных государственных институтов и атрибутов.

«Українцям, — замечает О. Субтельный, — дорого коштувала культурна конфронтація з поляками ... Внаслідок цього українці втратили свою еліту — шляхту ... Проте цей період ніс не лише невдачі для українського суспільства: релігійна полеміка спричинилася до культурного піднесення, а ворожнеча з поляками сприяла чіткішому усвідомленню українцями своєї самобутності» (Субтельный, 96). Стремление противостоять социально-политической и духовной экспансии потребовало создания собственного интеллектуального потенциала (обучение украинской молодежи за рубежом, открытие научно-образовательных центров /Острог, Новгород-Северский, Кременец, Луцк, Почаев, Винница, Львов, Киев и др./, деятельность братств, своеобразных покровителей родной культуры и православия, издание букварей, грамматик и учебников для разных областей науки). XVII в. стал воистину золотым для культуры украинского народа. Не удивительно, что находящиеся в это время на Украине иностранцы, фиксировали высокий уровень образованности и культуры украинского народа (см.: Січинський).

Во многих сферах жизнедеятельности России широко использовался научный и культурный потенциал Украины (ранее высокий уровень духовной жизни и культуры, унаследованный от Киевской Руси, служил образцом интеллектуальной организации общества для литовской знати). Проиллюстрируем это словами известного русского историка XIX века А. Пыпина, отмечавшего, что «так было в XVII веке, когда киевская ученость стала побудительной силой для Москвы; так было во времена Петра, который среди украинских ученых нашел рьяных помощников реформы; так было и в нынешнем столетии, когда украинская стихия вошла могучим течением в русскую литературу в произведениях Гоголя и когда с развитием национальных интересов, с обращением к народу, с возникновением этнографических исследований (вспомним, хотя бы, «Материалы и исследования» П. Чубинского — Г. М.) Украина открыла нам огромное богатство своей народной поэзии... Только этого участия украинской стихии в развитии общероссийской умственной жизни было бы достаточно, чтобы вызвать интерес к изучению украинской народности, чтобы желать успеха подъему ее самосознания» (ср. точку зрения Грушевского, который констатировал: «... за часів Дорошенка і Мазепи українці були першими учителями в Московщині, що пересаджували туди здобутки українського культурного життя, за Петрових часів трохи не всі вищі духовні посади в Московщині позаймали київські вихованці...» /Грушевський I, 423/; можно продолжить мысль автора: министрами Екатерины II были украинцы Безбородько, Заводовский и др.).

Следует отметить, что подавляющее большинство из перечисленных выше национальных устремлений было реализовано, правда, всего лишь на региональном уровне (Левобережная Украина). Так, в частности, именно на Киевщине и Брацлавщине заново начала складываться украин-

ская государственность — казачья республика (ср.: «Польська знать цинічно виявляла своє розуміння козацького питання: козацтво — це нігті в організмі нашого суспільства, вони надто швидко відростають і тому потребують частого підстригання» /Субтельний, 110/), потребовавшая организации национальной территориальной администрации и национального войска (армии), т.е. фактически тех неотъемлемых атрибутов и символов, которые явились толчком к созданию украинской нации и без которых немислимо существование любой самостоятельной державы. Именно в этот период были созданы предпосылки для формирования непосредственно украинской нации, о чем свидетельствуют такие факты: почти прекратились миграционные процессы, хотя заселение неосвоенных и запущенных земель преимущественно путем стихийной колонизации еще продолжалось; началось продуктивное освоение собственных земель с использованием прогрессивных форм хозяйствования, появились новые большие экономические, политические и культурные центры, была создана соответствующая база для развития украинского языка и культуры и т.д. Функцию носителя украинской государственности взяла на себя (с лозунгом «Україна без холопа і пана») Запорожская Сечь (позже Гетьманщина) — уникальная политическая организация с последовательно демократическим республиканским образом управления (создавшая первую в мире конституцию/Конституция Полуботка/). Согласно казачьей философии наивысшей ценностью считался человек, его духовность, которая и составляет основу формирования нации. Именно поэтому казачья элита уделяла огромное внимание духовной общности народа и всеми доступными способами пыталась повлиять на формирование национального сознания. Типичным выражением, отражающим главную идею казачьего мировоззрения было: «Із своїм Богом пряма дорога». Демократизм общественно-политической жизни способствовал формированию целостной суверенной личности украинца как полноценной национальной индивидуальности, с присущим именно ей менталитетом. Отсюда вполне обоснованным является утверждение многих исследователей «козаччини», называющих казаков украинской нацией. Дальнейшее развитие событий свидетельствует, что нациообразовательные усилия казачьей элиты не были напрасными: названный процесс, хотя и замедленными темпами, но продолжался, о чем свидетельствует появление новых форм государственности (*Гетьманщина, Центральна Рада, Директорія*), в основе возрождения которых лежали демократические традиции, имевшие почти тысячелетнюю историю. Нациогенезис не удалось остановить ни многократными переделами территории Украины, ни введением крепостничества, ни политическими репрессиями, ни голодомором, ни уничтожением политических и духовных достижений украинского народа (см. более подробно: *Українознавство*, 129–130).

Процесс нациогенезиса продолжался посредством ряда этапов, известных как национально-культурное возрождение. Начавшись в XVI ст. как военно-политическое возрождение, оно, не затухая, ярко вспыхнуло

в конце XIX века в сфере культуры и духовности, в 20-ые гг. XX века продолжилось как государственно-политическое строительство и, наконец, в наши дни — в форме общенационального подъема, охватившего все сферы жизни украинского народа (Пономарьев, 111).

Еще во времена Киевской Руси территория Украины стала местом интересных и далеко идущих религиозных, языковых, искусствоведческих, философских влияний и столкновений культур Востока и Запада. С точки зрения Монтескье, Гердера, Гегеля, Ницше, Шпенглера, Вебера и многих других, первая (восточная) изысканная, но малоподвижная, пассивно умиротворяющая, изнеженная, созерцательная, интровертная, ориентированная на внутренний мир человека, на совершенствование человеческой души; вторая (западная) — динамичная, наполненная неиссякаемой «фаустовской» жаждой к действию, утилитарно-практичная, экстровертная, направленная на преобразование природных и социальных условий существования человека. Евроцентристский характер изложенной концепции критикуют; но можно привести много «за» (тысячелетняя неизменяемость некоторых канонов в восточном искусстве, пассивно созерцательный характер буддизма, опережающее развитие науки и техники на Западе в прошлом) и «против» ее (культура Японии) (см. подробнее: Культура украинського народу, 8-9; Антологія мирової філософії.).

К какому же типу культур принадлежит культура Украины? Интересны рассуждения М. Грушевского: «... Східна спадщина, котора так глибоко залягла в нашій житті, — перероблена, перетравлена реактивами західного нашого духу, але зовсім не витравлена, являється настільки цінною складовою частиною української культури, українського життя... Ми являємось одним з найбільш орієнталізованих західних народів... й ми повинні не забувати, а розвивати і використовувати те корисне і цінне, що дала ся орієнтальна стихія» (Грушевський, II, 23).

Даже минимальное знакомство с феноменами украинской культуры позволяет утверждать, что в зависимости от исторического развития, то один, то другой приобретает ведущее значение. Так, в частности, наблюдаем переплетение обеих тенденций в фольклоре (а он чрезвычайно богат, только лирических песен записано 150–200 тысяч). Обнаруживаем огромное количество дум, баллад, песен, пословиц и поговорок, пропитанных духом умиротворения, созерцательности, даже покорности, но не меньше, а может и больше таких, которые побуждают к действию, призывают к свободе (так, с одной стороны имеем: «Бідна вдова і три сини», «Сестра та брат», «Над річкою бережком», «Ой, умер чумак», а с другой — цикл дум «Маруся Богуславка», «Про Самійла Кішку», «Втеча трьох братів з города Азова», «Козак Голота», «Пісня про Байду» и др.).

Всего лишь поверхностный анализ философских и эстетических концепций деятелей культуры Украины свидетельствует о склонности культуры Украины к разным типам культуры: с одной стороны, Григорий Сковорода, произведения украинских романтиков, писатели-народники, с другой, революционно-бунтарский характер произведений Тараса Шев-

ченко, Ивана Франко, представителей расстрелянного поколения 20-30-х гг., шестидесятников. Это одна из существенных причин разнообразия палитры этнических стереотипов украинцев, имеющих своеобразную структуру, состоящую из двух основных исторических слоев традиционно-бытовой культуры. Именно они и определяют два типа украинской ментальности: земледельческий и казацкий. Первый уходит корнями к истокам, ведущим от прадавней индоевропейской культуры; второй сформировался в эпоху средневековья на почве оригинального этносоциального образования — казачества.

Архаическая культура украинцев развивалась в основном как земледельческая, что определило всю систему мировосприятия, культурных приоритетов и социальной организации (так, напр., только в космогонии украинцев существует миф о «земном» происхождении человека: «чоловіка Бог зліпив із землі, а жінку з тіста»; следует вспомнить легенды о божественном происхождении орудий труда, о гипертрофированном развитием культа хлеба, обожествлении крестьянского труда, находящихся свое воплощение в сотнях песен, обрядах и поверьях украинского народа. Не случайно исследователи отмечают, что основным архетипом украинского фольклора и литературы является земля (Гримич, 43; Франко, 14, 162). Именно земледельческий тип ментальности сохранил в себе черты матриархата: украинцев выделяет среди многих других народов приоритет женщины (жены) над мужиной (мужем) (в пользу сказанного свидетельствует и количественное соотношение паремий со стержневыми словами *жінка (дружина, супруга, молодця)* и *чоловік (муж)*, зафиксированное в 3-^х-томной серии «Прислів'я та приказки»): «Чоловік без жінки, як без розума», «Без жінки мужчина — як без хвоста скотина/то дім без даху/»; «В хаті жінка три кути держить, муж четвертий» (эта идея, правда, прекрасно реализована и в идентичных паремиях английского и чешского народа: *A good wife makes a good husband; Dobrá žena dělá dobrého muže*). Женщина в отсутствие мужа (а это было практически перманентным в течение нескольких веков) становилась главой семьи, руководила всеми делами, на ее плечи ложилась не только домашняя работа, отсюда и наблюдение: «Де жінки тільки горшки пильнують, там в хаті нелад і непорядки панують», «Де й чорт не зможе, туди жінку пошли», «Дім держиться не на землі, а на жінці». Названный приоритет проявляється и в формах сватанья и брака, в системе супружеских отношений, мифологии и демонологии, в фольклоре. Так, в частности, терминология свадебной обрядности свидетельствует о том, что на Украине исторически сложились три основных варианта сватанья. Первый, наиболее архаичный, связанный с умыканием (укр. *викраденням*) молодой (сватанье *уводом*, *уходом*; отсюда: *віддаватися; брати/взяти заміж*, ср. *піти заміж*); второй — сватанье девушки к юноше (возможными были два пути: сватанье самой девушки и сватанье парня свахой девушки. К самостоятельному сватанью девушка прибегала преимущественно тогда, когда парень ее обманул.). Третий — «классическое» сватанье девушки посред-

ством сватов молодого. В этом случае между семьями осуществлялось брачное соглашение (говорили так: *віддати/продати заміж; укласти шлюб/на небесах/*, освячення церквою). Если же девушка не соглашалась на брак, она возвращала *старостам* принесенный ими хлеб, а *молодому* «дарила» *гарбуза* или *макогона* (отсюда выражения: *піднести/ дати гарбуза* та *схопити/з'їсти гарбуза* или *облизати макогона*). В украинской и русской фразеологии существует еще одно выражение, которое могло бы быть употреблено в данной ситуации, хотя его семантика позволяет более широкое использование. Речь идет о выражении *лишити(ся) з носом* («зазнавати невдачі»), толкуемом как «обдурювати, перехитровувати», синонимичными к нему будут *обводити круг пальця*, *обводити за ніс*, *залишати в дурнях* (Фразеологічний словник, I, 432). В данном случае форма слова *носом* может рассматриваться не как образованная от *нос*, а как часть возможной давней конструкции *лишити(ся) з ношею*, т.е. с тем подарком, который парень хотел отдать во время сватанья девушке, а ему это не удалось и он был вынужден «зазнати невдачі».

К сожалению, ни один словарь не объясняет выражение *дати/давати од коша*, употребляемое в аналогичных случаях на моем родном Полесье, хотя его можно семантизировать значительно шире, так как словом *киш* в Киевской Руси XI — XIII ст. и на Украине в XIV — XVIII ст. называли «військовий табір, обоз», «місце перебування запорізьких козаків», «літне житло кочовиків», «місце розташування під час тимчасових робіт, табір, стан» (СУМ, IV, 171).

Естественно, что выбор семейной пары — серьезный шаг в жизни, и поэтому в языке каждого народа обнаруживаем стремление создать, с одной стороны, идеал внешней красоты будущего спутника жизни (о девушке: *та дівчина, як калина; повная рожса; як маківка; мов червона рожса, повита барвінками; білі зуби, ніби дві низки перлів; чорні брови густі-прегусті, як шовк; одна брова варта вола, другій брові й ціни немає; очі — дві зірки; рівна, як струна; гнучка, як тополя; гарна, як червона калина; для характеристики парня: орел, ясний сокіл; об обоих: вони такі паровані, як горнята мальовані*).

Но, с другой стороны, осознание преимуществ внутренних качеств брало верх. Мать, напр., наставляла сына, идущего на *досвітки*: «Придивляйся не на личко, а на руки, личко одцвіте з літами, а вміння залишаться на все життя»; или «На красиву жінку гарно дивитися, а з розумною гарно жити» (ср.: «На красивого чоловіка дивитись гарно, а з розумним жити легко»), «Не хвалися красою, а хвалися розумом», потому что «Хто жениться с красою, той буде жити з бідною» (ср. рус. «Выбирай жену не глазами, а ушами», чеш. «Nežej se očima, ale ušima» или «Bera dceru hled' na matku»; укр. «Жінка княгинька, а хата не метена», ср. чеш. «žena jak kněžna a světnice nemetená», рус. «Коса заплетена, а хата не метена» или же общеизвестное рус. «Не красна изба углами, а красна пирогами», ср. чеш. «Nekráslí jizbu stěny, ale koláče»). Та же мысль о приоритетности внутреннего над внешним прослеживается и в народной песне, где сын

спрашиває отця: «Чи то, тату, тую брати, Що воли-корови, Чи то, тату, тую брати, Що чорнії брови», а тот відповідає: «Не питайся, мій синочку, Чи вона багачка, Тільки ходи, людей пита, Яка з неї швачка. Не питайся, мій синочку, Чи головка гладка, Тільки ходи людей питай, Чи метена хатка.» Такові же установки і для дівушки: «До сивої коси сиди, а за ледащо заміж не йди». Однако, вибирая (а народ это тонко подметил), следует помнить, что «За перебір дасть бог витрішки/та чорта в двір», «Не перебирай, дівчино, абись не перебрала, щоб за чоловіка горобця не дістала», «За перебирачку бог дає болячки» (укр.); ср. «Много станешь разбирать, вовсе будешь не женат» (рус.), «Mnoho-li budeš vybírat, zůsta-neš vždy neženat» или «Kdo mnoho vybírá, zřídka co dobrého sbírá» (чеш.).

Высокая мораль и чувство собственного достоинства были присущи женской половине украинского населения и поэтому с мнением дівушки считались, ибо: «Волю втонути, як за нелюбим бути», «Краще вмерти/в гробі/в землі/ гнити, як з нелюбим жити», «Ліпше весь вік дівувати, ніж ...», «Ліпше своє серце з'їсти, як з нелюбим до вечері сісти». Высоко ценилась чистота добрачних отношений молодых людей, противное осуждалось колективом: «У нашої Катерини разом весілля і хрестини: і до шлюбу ведуть, і до хреста несуть», «Розчесав їй косу до вінця», «В кропиві шлюб брав», «Не байстрюкові гріх, а батькові», «Під вербою брови загубила та тепер і вие», «Дівка як загубила вінець, то вже їй кінець».

Территория Украины длительное время нещадно подвергалась опустошительным набегам, страдало как женское, так и мужское население, но последних становилось все меньше, и, видимо, об этих тяжких временах пословицы: «Нині такий час, що солон'яний парубок золоту дівку бере», «Бери до пари, щоб не взяли/не з'їли/ татари», ибо «де стопа орди перейшла, там вже трава не росла».

Оптимизм, здоровое мировосприятие, душевное равновесие, юмор украинцев известны во всем мире, они также являются составляющими национального характера и национального менталитета: «Як моя жінка втопиться, то не глядіть її за водою, а глядіть її проти води, бо вона дуже вперта», «Така гарна пика (лицо), що як виглянула з вікна, то три дні собаки гвалтували (брешуть, виють), а одна як придивилась, то й зовсім сказала», «Не плач, небого, що йдеш за нього, Нехай плаче він, що бере лихо у двір» (ср. чеш. «Neplač, nebohá, žeš dostala se tomu, nechť pláče raděj on, že vede čerta domů»).

Другой тип ментальности украинцев — казачий — формировался на противоположных позициях: 1) приоритет мужчины (мужа) — сильного, мужественного человека, *лицаря* («Де козак, там і слава»); 2) на идее дороги, похода, путешествий — в противовес привязанности к земле и родному дому («Молодому козаченьку мандрівочка пахне»/нар. песня/; «Від хазяїна повинно пахнути вітром, а від хазяйки димом», вспомним аналогичное чеш. «Hospodář má páchnouti větrem a hospodyně dýmem»); 3) на унижении статуса женщины — символа стабильности и земледельческого труда («В тиху погоду і баба керує», ср. чеш. «Za pěkného počasí i bába loď uřídí»; « I дурень каші наваре, аби пшоно та сало», ср. срб. «Да

има сира и масла, и моја би мати знала гибаницу», чеш. «Každý blázen kaši uvaří, když je krupice a máslo». Стоило бы обратить внимание еще на одну культурологическую деталь: упомянутые продукты в украинском тексте — это составляющие традиционного казацкого *куліша*).

Столкновение двух типов культуры и двух типов ментальности способствовало возникновению между ними противоречий, которые выявляются посредством оппозиций: *оселя — дорога, жінка — чоловік, мир — війна, стабільність — мобільність*, сформировав такие типичнейшие черты национального характера украинцев как гостеприимство («Гість — на щастя», «Пошли, Боже, гостя, то й хазяїну добре»), эмоциональность и сентиментальность, эстетизм и лиризм, постоянное стремление к свободе («Воля дорожча за життя», «Або волю добути, або дома не бути»), чрезвычайно высокое чувство трагического и сопереживание человеческим страданиям (вспомним, ведь земля Украины в течение многих веков была ареной изнурительных набегов и воен, которые «продуцировали» миллионы сирот и вдов): «Ніхто не баче, як сирота плаче», ср. чеш. «Málo dbá se, když chudý pláče»; «Тоді сироті великдень, як сорочка біла», ср. чеш. «Tehdā chudásovi boží hod, když košílka bílá».

Двойственность ментальности отражалась и на своеобразной организации украинского общества. Оно ориентировано прежде всего на внутренние механизмы самоорганизации (именно поэтому здесь приобрели определенную законченность системы *родства, свояцтва, кумовства, побратимства, посестринства, громади, спілки* и т.д. /сравним, в частности, укр. «Свій свояка бачить здалека» и чеш. «Rybák gubáka daleko na jezeru vidí»); на первый взгляд, эти пословицы передают одинаковый план содержания, но именно диахроническое осмысление разного плана выражения предоставляет возможность убедиться и в /потенциально/ специфическом семантическом наполнении этих паремий/) и взаимопомощи (в украинских источниках XV-XVIII вв. зафиксированы *толока, поміч, супряга, зажинки, косовиця, гребовиця, закладина* и др., где работа выполнялась «за спасибі» или «з любові», т. к. «Де спілка, там і силка», «Громада по нитці, то й бідному сорочка»).

Впоследствии вышеперечисленные компоненты легли в основу т. наз. «кардиофилософии», ставшей характерным признаком украинского мировоззрения.

Кодирование этнической культуры осуществляется различными способами, но прежде всего с помощью национального языка, наиболее значимого способа сохранения и возрождения национального самосознания. Ведь национальный язык — это национальная модель языкового мировосприятия народа.

Анализ генезиса украинцев свидетельствует, что именно язык в течение многих столетий являлся важнейшим фактором консолидации этноса, помогая противостоять «размыванию» генетической памяти народа, выступая существенным атрибутом формирования украинского национального сознания и нации в целом.

ЛІТЕРАТУРА

- Антология мировой философии. В 4 т. Москва, 1971.
- АНТОНОВИЧ, В.: Коротка історія козаччини. Київ, 1991.
- БРОМЛЕЙ, Ю.В.: Очерки истории этноса. Москва, 1983.
- БУБЕР, М.: Народ и его земля./Избранные произведения. — Без м. и., 1979.
- Героїчний епос українського народу. Київ, 1993.
- ГРИГОР'ЄВ-НАШ: Історія України в народних думках та піснях. Київ, 1993.
- ГРИМИЧ, М.: Два виміри національного характеру./Нація і суспільство, 1991, № 8.
- ГРУШЕВСЬКИЙ, І: Грушевський, М.: Ілюстрована історія України. Київ — Львів, 1913.
- ГРУШЕВСЬКИЙ, І: Грушевський, М.: На порозі нової України. Гадки і мрії. Київ, 1991.
- ГУМИЛЕВ, Л.Н.: География этноса в исторический период. Ленинград, 1990.
- ДАШКЕВИЧ, Я.: Основні етапи етнічної історії української нації./Родовід. Черкаси, 1991.
- ЗАБУЖКО, О.: Філософія української ідеї та європейський контекст: Франківський період. Київ, 1993.
- Історія української мови в конспектах Юрія Кузьменка. Київ, 1997.
- КАРПІЛОВСЬКА, Є.А., ТАРНОВЕЦЬКА, Л.О.: Українська література XI — XVIII ст. Хрестоматія з коментарями. Черновці, 1997.
- КВІТКОВСЬКИЙ, Д.: Боротьба за українську ідею. Дейтройт — Нью-Йорк — Торонто, 1993.
- КРИМСЬКИЙ, А.: Українська мова, звідкіля вона взялася і як розвивалася. Твори в 5 т. Т. 3. Київ, 1973.
- Культура українського народу. Київ, 1994.
- Літопис Руський. За Іпатським списком переклав Леонід Махновець. Київ, 1989.
- ПІВТОРАК, Г.: Українці: звідки ми і наша мова. Київ, 1993.
- ПОНОМАРЬОВ, А.: Українська етнографія. Київ, 1994.
- Прислів'я та приказки. В 3 т. Т. 2. Київ, 1990.
- СІЧИНСЬКИЙ, В.: Чужинці про Україну. Київ, 1992.
- СУБТЕЛЬНИЙ, О.: Україна. Історія. Київ, 1992.
- СУМ: Словник української мови. В 11 т. Т.4. Київ, 1973.
- Українознавство в розбудові держави. В 3 кн. Кн. I. Київ, 1994.
- Українська народність: Нариси соціально-економічної і етно-політичної історії. Київ, 1990.
- Фразеологічний словник української мови. В 2 т. Т. 1. Київ, 1993.
- ФРАНКО, І.: Твори. В 20 т. Т. 1. Київ, 1955.
- Етногенез славян. Минск, 1990.

NÁROD A KULTURA

Autorka článku se pokouší objasnit složitou problematiku národní a kulturní geneze Ukrajinců. Tyto otázky vyvolávaly v minulosti ostré spory a nejednou byly podrobovány četným revizím; to svědčí o značném zájmu o tuto problematiku mezi odborníky. V poslední době, kdy se objevily nové zdroje, bylo třeba provádět další výzkumy, jejichž prostřednictvím bylo možné proniknout do podstaty sledované problematiky.

Halyna Myronova
 Ústav slavistiky
 Filozofické fakulty MU
 Arna Nováka 1
 660 88 Brno

